

АЛЕКСЕЙ СУКОНКИН

★

**СНАЙПЕРСКИЙ
УДАР**

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С89

Суконкин, Алексей Сергеевич.

С89 **Снайперский удар / Алексей Суконкин.** — Москва : Эксмо, 2019. — 576 с. — (Спецназ. Офицеры).

ISBN 978-5-04-106671-0

Гражданская война в Сирии. В механизированную бригаду, ведущую бои за Пальмиру, прибывают снайпер-контрактник Саша Измайлов и его напарник ефрейтор Батлай Жамбаев. Задача новоприбывших — подавить снайперские и пулеметные точки на соседней улице. Снайперы находят оптимальную точку, отмечают ориентиры и заполняют карточку огня. Низкая подготовка игиловцев позволяет Сане убраться сразу троих. Первый успех вскружил голову. Война показалась увлекательным приключением. Но вскоре всё меняется...

Автор убедительно показывает, как ломаются стереотипы даже у подготовленного бойца в условиях реальной войны, где всем заправляет смерть.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-106671-0

© Суконкин А., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

*Павшим и живым.
Тем, кто честно защищал
и защищает «дальние рубежи»,
посвящается.*

Книга основана на реальных событиях, но все совпадения по названиям, датам, номерам частей и позывным могут быть случайными.

Предисловие

— Конечная. — Водитель «Тигра» повернулся к двум бойцам, сидящим за ним. — Выходим. Дальше троллейбус не идет.

Саня Измайлов, 27-летний сержант-контрактник стрелковой роты снайперов, старший снайперской пары, ухватился за ручку и, открыв бронированную дверцу, тяжело спрыгнул на пыльную дорогу. Из полуразрушенного здания к нему навстречу уже двигался офицер из группы российских советников, обеспечивающих 106-ю механизированную бригаду сирийцев, ведущую тяжелые бои за Пальмиру.

— Сержант Измайлов, — представился Саня. — Прибыл в распоряжение начальника разведки бригады...

— Капитан Маринин, — отозвался офицер. — Советник по разведке.

Офицер возрастом был вровень с сержантом. Они пожали друг другу руки.

— Показывайте ваше хозяйство, — улыбнулся сержант.

Из «Тигра» выбрался второй снайпер, который взвалил на себя не только тяжелый рюкзак и винтовку, но и трипод в брезентовом чехле да пару складных туристических стульчиков.

— За мной, — пригласил капитан, и они направились в сторону полуразрушенного квартала.

Пока они шли, осторожно обходя завалы, Маринин быстро обрисовал обстановку:

— Авиация бомбила квартал два дня подряд, мы наблюдали прямые попадания в скопления живой силы противника, но когда садыки двинулись вперед, оказалось, что несколько огневых точек летчикам подавить не удалось. У них пошли потери, мы подтянули батарею дэ-тридцать и за полдня накрыли все выявленные цели. В общем, этот квартал заняли, а вот следующий — никак. Пехота отказывается идти в бой, хоть ты тресни. Говорят, что там много пулеметов и снайперов, и пока мы их не заткнем, войны не будет. Так что, пацаны, на вас вся надежда...

Они подошли к одному из зданий, капитан предупредил:

— Та сторона обстреливается, так что осторожнее. Думаю, вам удобнее будет работать с третьего этажа, оттуда обзор хороший...

На первом этаже здания располагался взвод сирийцев, которые в большом котле готовили себе еду, и, как отметил Измайлов, совершенно не озаботившись охранением и наблюдением за противником.

Маринин о чем-то коротко на арабском переговорил с сирийским командиром и махнул сержанту рукой:

— Работайте, братья...

Боевая задача была поставлена еще в подразделении, поэтому, что нужно было делать, снайперы знали, и времени на раскачку у них не было...

Парни сгрузили свою поклажу в угол помещения и налегке, прихватив с собой только винтовки и бинокль, по полуразрушенной лестнице осторожно поднялись на третий этаж. Здание, по всей видимости, раньше было значительно выше, но верхние этажи сложила авиация, когда шлифовала квартал, готовя его к наступлению механизированной бригады. Одно из помещений приглянулось сразу: над головой было целое межэтажное перекрытие, а в стене, обращенной в сторону противника, зияла пробоина диаметром сантиметров двадцать, через которую Измайлов и решил работать.

Здесь же нашлось место и для наводчика-наблюдателя — второго номера снайперской пары, которым был ефрейтор-контрактник Батлай Жамбаев, достойный сын бурятского народа. Наводчик приглядел себе место практически рядом с «амбразурой», разве что решил установить треногу для ЛПП с расчетом, что вести наблюдение он будет через оконный проем поверх толстой каменной стены. Осторожно выглянув в пробоину, Измайлов убедился, что позиция выбрана вполне удачная — уже сейчас, невооруженным глазом, он видел перемещения боевиков на той стороне — в пределах гарантированной досягаемости его винтовки.

— Замечательно, — сказал он, откатываясь в сторону. — Отсюда и будем работать.

Они спустились вниз и увидели, как два садька, «брата по оружию», раскрыв один из снайперских рюкзаков, деловито перебирали вещи, отложив уже в сторону сухпак и «цейсовский» дальномер, купленный Батлаем на свои деньги буквально перед самой командировкой.

— Это что такое? — спросил Измайлов, доставая из разгрузки пистолет. — Какого лешего?

Увидев хозяев рюкзаков, сирийцы глупо улыбнулись и попятились к выходу.

— А ну! — Жамбаев ухватил ближнего сирийца за руку и резко выдернул у него из-за пазухи свою медицинскую аптечку.

— Второго посмотри, — сказал Измайлов, подняв ствол «макарова» на уровень глаз.

У второго ничего не было, и их отпустили.

— Хорошенькое начало, — резюмировал сержант. — Еще бы понять, кто тут с кем воюет...

Взвалив на себя груз, они также осторожно поднялись на выбранную позицию и, не поднимая головы выше оконного проема, в течение получаса полностью оборудовали огневую позицию — установили на треноге прибор наблюдения, расстелили карематы, поставили стульчики, медленно, без резких движений, наблюдатель натянул над своим прибором серую маскировочную сеть, которая должна была скрывать возможные блики или его шевеления головой. Измайлов лег на каремат, установив винтовку на сошку перед собой, несколько минут примерялся, меняя позы, наконец, сказал:

— Ну вот, вроде нормально.

Наблюдая и оценивая обстановку, они заполнили карточку огня, обозначив основные ориентиры и измерив до них дальности с помощью лазерного дальномера — вначале штатного ЛПР, а потом покупного, «цейсовского».

— Не врет немец, — удовлетворенно сказал бунт. — Два метра разница. Можно пренебречь...

Ветромер был не нужен — по всему было видно, что стоял полный штиль.

— Ветер не учитываем, — сообщил наводчик.

Сержант достал из разгрузки смартфон, в который был закачан баллистический калькулятор «Стрелок+», и уже через пару минут имел все данные для стрельбы по ориентирам, которые он тут же записал в блокнот снайпера.

Решили начать с ближнего рубежа — метрах в трехстах впереди, за высоким каменным ограждением близ двухэтажного дома ясно была видна группа людей, которая беспечно прохаживалась по дворику, беззаботно подставляясь в прицел русского снайпера. Саня примкнул магазин и оттянул назад затворную раму.

— С богом, — сказал он, отпуская раму и слушая привычное клацанье металлических деталей своего смертоносного оружия.

Триста метров для «СВД» — это не расстояние. На такой дальности даже у слабоподготовленного стрелка разброс пуль обычно не выходит за габариты человеческой головы, но в данном случае в прицел снайперской винтовки смотрел опытный, хорошо

тренированный снайпер, который всего месяц назад сдал зачетную стрельбу на первый уровень в снайперской школе Восточного военного округа.

Фигурки людей, снующих туда-сюда, возвышались над каменной оградой по плечи, что для Сани Измайлова исключало промах по определению. Тем не менее, прежде чем бить живую мишень, чего прежде Измайлов никогда не делал, он решил произвести хотя бы один пристрелочный выстрел — так, на всякий случай, вдруг прицел сбился, пока ехали из расположения снайперской роты...

— Пристрелочный, — попросил Саня. — На триста метров.

— Сейчас, — наводчик приник к окулярам и тут же сказал: — Ориентир два, влево ноль-десять, на стене виден кирпич темного цвета. Триста шесть метров.

Измайлов повернул винтовку и, поймав ориентир в прицел, пошел обратно влево — на десять малых делений угломера, которые скомандовал наводчик, пока на галке прицела не появилось темное пятно красного кирпича.

— Вижу, — ответил Саня.

Перед выстрелом он перевел дух. Хотя это и не был выстрел, который разделит его жизнь на «до» и «после», все же он заметно волновался. Как ни крути, а этот выстрел станет последним действием, после которого он будет делать только то, чему учился всю свою военную жизнь, о чем думал, к чему готовился... он станет вершителем человеческих судеб и лишь по собственному усмотрению будет беспощадно и безжалостно лишать жизни других людей. Хотя нет, не

людей. Перед ним был враг. Враг, уничтожить которого и было прямым предназначением снайперов.

Чуть подав тело вперед, Саня нагрузил своим весом сошку винтовки, перехватил левой рукой под приклад. Широко разведенные ноги создавали надежный треугольник упора, который обеспечивал устойчивое положение для предстоящей стрельбы.

Поместив уголок прицельной сетки в центр кирпича, Саня мягко потянул спуск. Спусковой крючок выбрал весь холостой ход и уперся в едва ощутимый предупредительный стопор. Еще немного усилий, и винтовка полыхнет громким выстрелом, а в трехстах шести метрах от позиции от удара пули во все стороны брызнет пыль разбитого кирпича.

— Выстрел, — стараясь не менять положения головы, сквозь зубы выговорил Саня и дождал спуск.

В полузакрытом пространстве грохнул резкий и оглушительный выстрел, приклад привычно толкнул в плечо, пустая гильза ударилась о стену и тонко зазвенела по бетонному полу. В этот же момент в прицел он увидел облачко пыли, взметнувшееся на стене там, где только что был кирпич. Спустя секунду до снайперов донесся отчетливый щелчок — будто кто-то неподалеку хлестнул нагайкой по дереву.

— Прямо по центру, — сообщил наводчик. — Теперь долби духов...

Саня слегка переместился вправо, чтобы в проем, через который ему предстояло стрелять, снова увидеть беспечных воинов халифата, и, заняв устойчивое положение, стал рассматривать свои цели. От среза ствола винтовки до проема было полтора метра, ко-

торые гарантировали сокрытие вспышки выстрела в глубине помещения, повышая, таким образом, шансы снайпера не быть обнаруженным противником. Наблюдая за людьми, Саня вдруг подумал, что с той стороны просто некому его обнаруживать — судя по той беспечности своего пребывания на передовой, какую сейчас демонстрировали игольцы в Санином прицеле, уровень их боевой подготовки стремительно приближался к нулю — сложно было предположить, что они смогут предпринять контрснайперские меры.

В свой окуляр Измайлов видел шесть человек и вдруг поймал себя на мысли, что сейчас ему предстоит сделать страшный по своей сути выбор — кто первый ляжет. Никогда раньше такие мысли его не посещали — обычно при стрельбе по бумажным мишеням нет нужды на месте принимать решение, какую цель бить первой — просто работаешь по заранее составленному плану и не заморачиваешься подобными раздумьями. Но здесь сейчас нужно было подобрать для первого выстрела самую удобную цель. Самую удобную с точки зрения снайпера. И не только удобную из тактических соображений, но и удобную из соображений моральных и нравственных...

Саня водил стволом от одного боевика к другому, прислушиваясь к своим внутренним ощущениям. Ощущениям, которые ему еще не приходилось переживать, — в нем росло чувство полного превосходства над теми, кого он видел сейчас в прицеле. Саня подумал, что первый убитый им боевик обязательно должен быть самым противным и отталкивающим на вид, самым мерзким и страшным — ровно таким,

какими обычно показывают их в новостях в момент, когда они режут головы своим жертвам. «Первый» должен быть предельно мерзким для того, чтобы в памяти снайпера он запомнился именно выродком рода человеческого, таким, которого потом не будешь вспоминать в накатывающей волне жуткого ужаса длинными ночами напролет...

Этот? Саня подвел угольник прицела в переносицу боевика, увешанного пулеметными лентами не хуже революционного матроса. Все вроде есть — борода, звериный оскал, злой прищур глаз... что заставило его взять в руки оружие, сломать мирную жизнь, какая была в этой стране еще несколько лет назад? Сколько он принес горя на эту землю? Сколько еще принесет?

Или этот? Измайлов посмотрел в лицо другого боевика, стоящего рядом с первым, что-то с ним обсуждающим. Всклокоченная борода, темные очки, модная арафатка... на плече висит американская автоматическая винтовка. А сколько беды принес этот боевик? Сколько он еще будет творить зло на этой земле? Сколько еще прольет чьей-то крови?

А может быть, этот? Прицел остановился на рослом игиловце, который отчаянно жестикулировал, раздавая указания остальным. Этот явно был лидером, на что указывали властные жесты и очевидное подчинение со стороны остальных. Полевой командир. Может быть, взводного уровня или ротного, не суть важно. Главное — это тот, на кого ориентируются все остальные. Что-то сжалось в душе, и Саня понял — он уже принял решение. Именно этот, по

всей видимости, командир, через несколько секунд встретится с прекрасными гуриями в райских кушах.

Чувство полного превосходства переросло в ощущение безграничной, просто абсолютной власти над этими людьми. Новое, какое-то нарастающее сладостное бескрайнее упоение стало растекаться по всему телу. Сане захотелось скорее приблизить момент этого действия, но в последнюю секунду он сдержал себя — лишь для того, чтобы проконтролировать плавный спуск.

Человек вдруг потянулся, разводя в стороны руками — разминая их, будто на утренней зарядке. В этот момент спуск встал на предупреждение — жизнь и смерть теперь были разделены лишь легким движением пальца да подлетным временем пули, равным чуть меньше половины секунды.

ПОЛСЕКУНДЫ... ЭТО ТАК МАЛО ДЛЯ ЖИЗНИ И В ТО ЖЕ ВРЕМЯ ТАК МНОГО ДЛЯ СМЕРТИ...

В ушах быстро и громко колотилось возбужденное сердце — как при завершении выматывающего марафона... или приближении всплеска сладострастия во время близости с любимой женщиной...

Вот сейчас... сейчас... сейчас...

Оглушительный выстрел, толчок приклада в плечо, звенящая на полу горячая гильза...

В прицел Саня увидел, как за головой жертвы полыхнуло красное облачко, а сам воин джихада, словно безвольный мешок, мгновенно свалился на землю. До позиции долетел звук шлепка, мало чем отличающийся от того, который они слышали, когда Измайлов стрелял по кирпичу в стене.

— Цель, — удовлетворенно подтвердил наводчик. — Гаси их, пока не очухались.

Ступор, который завладел им на мгновение, тут же прошел. Саня быстро прицелился в следующего, который пока еще стоял, ничего не понимая, не ведая, что через секунду и его голова лопнет точно так же, как только что лопнула голова его командира.

Выстрел!

Снова звон гильзы, снова всплеск крови за головой боевика, снова спустя секунду резкий звук шлепка, который рождается в момент, когда снайперская пуля ломает череп, вынося наружу его содержимое, лишая жертву самого ценного, что дала ему мать-природа, — человеческой жизни...

— Стоят, бараны, — возбужденно крикнул наводчик. — Давай, Саня, бей, пока они не разбежались!

Измайлов, ощутивший азарт и небывалую прежде страсть, охватившую его всего, перевел прицел на третьего духа, и пока тот соображал, что происходит, его голова тоже разлетелась на куски.

Только после того, как погиб третий боевик, остальные сочли нужным упасть на землю или забежать за угол здания.

— Отлично, — басил наводчик. — Троих уложил! Четко ты их отработал!

Саня, не меняя своего положения, водил стволом по сторонам, но никто больше не показывался. Сердце захлебывалось, а душу переполняла какая-то безмерная радость и удовлетворение от содеянного. Именно так: словно ты первым финишировал в из-